

Анастасия Черкасова

*Палочки
на
песке*

Серия
World Inside
Книга 1

Анастасия Черкасова
Палочки на песке (сборник)

«Accent Graphics communications»

2013

Черкасова А.

Палочки на песке (сборник) / А. Черкасова — «Accent Graphics communications», 2013

Первая книга серии «Палочки на песке» посвящена всем таинственным и непонятым сторонам нашей жизни. Сомнения. Душевные муки. Неоднозначные нюансы человеческой психологии. Страхи, предрассудки и убеждения. И, наконец, край той тонкой грани, где кончаются собственные фантазии, и в жизнь вмешиваются реально существующие высшие силы. Либо просто человеческое воображение, перестающее ограничиваться рамками насыщенного внутреннего мира, перерастающее в истинное сумасшествие, захватывающее жизнь человека всецело, вынуждая его потерять контроль над собственными поступками и лишая возможности понимать происходящее, заставляя метаться, гонимому и страхами, и страданием, и безнадежным отчаянием. Все события и персонажи, описанные в книге, являются вымышленными. Любые совпадения случайны.

© Черкасова А., 2013

© Accent Graphics
communications, 2013

Содержание

Вступление	6
Рассказы	8
Полет	8
Слезы художника	13
Палочки на песке	14
Нет преград	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Анастасия Черкасова

Палочки на песке

Вступление

Огромный мир. Просторные дали. Большие города со множеством горящих огней, в каждом из которых — чья-то жизнь. Небо — такое большое, что его видно отовсюду, из любого уголка планеты — и эти облака, окрашенные багрянцем солнечных лучей, освещающих так же все, абсолютно — все. Леса, многочисленные деревья, бескрайние поля. Моря — огромные, необъятные для человеческого глаза. И эти блики на воде, рожденные все тем же солнцем — одним для всех. Цветы, запахи растений. Сколько в мире запахов? Целая гамма. Сколько их? Миллиарды? Больше? Не сосчитать. Не представить. Макушки гор, кажущиеся издали такими крошечными, словно игрушечными, а на самом деле — все таким же огромными, что ни одному из людей, лицезреющих их макушки, не хватит и целой жизни на то, чтобы обойти их все, заглянуть в каждую из ложбинок искрящегося камня. Сколько тропок на свете, сколько дорожек — не пройти. Никогда не пройти, и даже не представить. Множество зверей. И птиц. Чаек, латающих над этим морем. Маленьких черточек, парящих в этом небе — одним для всех. Птица издали — это тоже крупинка, такая маленькая, что не пройдет и минуты, как она скроется вдаль, потерявшись навсегда в этом мире, скрывшись от глаз человека, наблюдающих за ней. Степи. Бескрайние пустыни. Теплый песок. Запах листьев. Запах моря. Привкус морской пены, осязаемой где-то внутри так явно, что кажется, словно кусочек моря умещается на кончике человеческого языка. И везде — звери. Сколько их? Таких разных, таких непохожих друг на друга. И везде, везде в этом мире — люди. Столь же разные, несмотря на некоторое внешнее сходство. Множество лиц. Множество отражений человеческих душ. Словно блики на воде. Словно искорки на многогранном хрусталике. День — и ночь. Темнота и свет. Холод — и тепло. Многочисленные блики. Многочисленные оттенки миллиардов запахов. Все это — мир. Все это — наша жизнь.

Возможно, мир не имел бы столь громадного количества оттенков одних и тех же вещей, на первый взгляд кажущихся таким похожими, такими одинаковыми. Он был бы проще и однозначней, если бы не существовало в нем этих разных человеческих душ, порождающих такое разное восприятие окружающего. Даже эти блики на воде — каждый человек видит их по-своему. Чувствует. Или не чувствует совсем. Представить только: внутри каждого человека есть это все — и чайки, и сверкающая гладь воды, и легкий шум крон могучих деревьев, и многоголосное цоканье зверьков. И опять же — души, эти разные человеческие лица. Каждый человек — все чувствует по-своему, воспринимает по-своему. Внутри каждого — такой вот огромный мир, окрашенный своими собственными цветами. Пропитанный запахами и звуками, и каждый из этих миров — уникален. Все это, все — все умещается внутри одного-единственного человека, даже самого маленького. Внутри каждого из нас — целый мир, единственно уникальный.

В серии книг «World Inside» я хочу поделиться с читателями своим собственным миром, открыть глазам других свое восприятие. Каждую из книг я постараюсь сделать так же особенной, отличной от других, дабы открыть разные грани, разные отблески своей души.

Первая книга серии «Палочки на песке» посвящена всем таинственным и непонятным сторонам нашей жизни. Сомнения. Душевные муки. Неоднозначные нюансы человеческой психологии. Страхи, предрассудки и убеждения. И, наконец, край той тонкой грани, где кончаются собственные фантазии и в жизнь вмешиваются реально существующие высшие силы. Либо просто человеческое воображение, перестающее ограничиваться рамками насыщенного внутреннего мира, перерастающее в истинное сумасшествие, захватывающее жизнь человека

всецело, вынуждая его потерять контроль над собственными поступками и лишая возможности понимать происходящее, заставляя метаться, гонимому и страхами, и страданием, и безнадежным отчаянием.

Рассказы

Полет

Тук-тук.

За окном ветряная погода, ветер швыряет кроны деревьев из стороны в сторону, забавляясь и, восторженно подвывая, ныряет в щели гнилых подвалов, пролетает по трубам и скважинам, ударяясь об края и стены потрепанных мусоропроводов, а потом резво выскальзывает из какой-нибудь трещины и кидается тяжелым ударом на дверь квартиры.

Тук-тук.

Он летает, проникая в любую щель, и бесполезно от него прятаться, это только позабавит его, и он радостно будет гоняться сзади, распевая свою жуткую песню, которую находит весьма забавной, со свистом пролезая под всеми дверями и колотя по их рукояткам.

Тук-тук.

Иногда он замирает и просто стоит около входной двери и как будто застенчиво скребется лапами, слегка нажимая на скрипучие доски, но на самом деле за этой робкой деликатностью прячется злая насмешка.

Тук-тук...

Может, это кажется? Это проделки ветра. Каким же простым и забавным кажется ему изобразить, что кто-то стоит за дверью.

Тук-тук!

Или не кажется? Он навязчив. Никита открывает дверь. Он сидит на пороге. Маленькое ехидное существо, покрытое короткой шерстью, словно сгорбленный карлик, отрастивший себе крылья и длинные уши, чтобы напоминать себе образ чего-то вроде гаргульи. Он сидел, сложив на чуть шиповатый хвост когтистые лапы, нетерпеливо теребя самый кончик своего хвоста.

— Николос! Ты опять пришел!

Существо фыркнуло, чуть обнажив желтые зубы и, хлопнув крыльями, перелетело через порог.

Закрыв входную дверь на цепочку, Никита вернулся в комнату, из которой вышел, где Николос уже непринужденно летал вокруг люстры.

— Слезай оттуда, Николос.

С тяжелым шлепком существо приземлилось на стол и почесало напоминавший человеческий нос.

— Нервы расслабляю. Ты опять слишком долго не открываешь дверь.

— Николос, ты мне помешал. Что тебе нужно?

Существо внимательно глядело желтыми глазами, теребя верхней лапой маленькие твердые рожки на лбу и шевеля большими остроконечными ушами, покрытыми рыжей шерстью, как и все остальное его нелепое тело. Оно не могло оставаться без движения.

— Пойдем летать, Никита. Ты же можешь. Пойдем летать.

— Какое летать! Ты же знаешь, что я не могу. Прекрати, уймись!

Николос склонил голову набок и выдохнул столбик неприятно пахнущего воздуха.

— Никита, еще раз говорю тебе — пойдем летать.

— Николос! Зачем ты пристал ко мне? Ты же видишь, у меня нету крыльев!

— Чтобы летать, не нужны крылья. Поднять тело в воздух может только сам дух.

— Но у тебя есть крылья!

— Глупец! — шелкнув острыми зубами, Николос нервно поднялся в воздух и снова стал летать вокруг люстры, — Я — высшее совершеннейшее существо, у меня есть многое, и я распоряжаюсь сам, как что нужно применять.

Пролетев круг по периметру комнаты, Николос шмякнулся на верхнюю полку книжного шкафа и взял когтистой нижней лапой фотографию в рамке.

— Занятно, очень занятно, — пробормотал он, небрежно осмотрев снимок, и отшвырнул его лапой, отчего тот слетел на пол, и рамка, ударившись об пол, треснула. Николос посмотрел вниз, подскочив от восторга, хлопнул крыльями и снова посмотрел на Никиту.

— Николос! — воскликнул Никита, — Я повторяю тебе еще раз: я не смогу летать!

— Трус! — гневно оттолкнувшись нижними лапами от полки — так, что все вещи посыпались на пол вслед за фотографией, Николос взлетел и, ударом распахнув оконную раму, пулей вылетел в окно. С мгновеньем помаячив грязно-рыжей точкой на фоне серого пасмурного неба, он исчез из виду.

Ветер, мгновенно ворвавшийся в комнату через окно, распахнул книгу, валявшуюся на полу и перелистнул с десятков страниц. Взгляд Никиты упал на открытый лист, и губы его прошептали: «Pride...». Слово, попавшееся на глаза — «pride» — «гордость, гордыня».

Отодвинув книгу ногой, он подобрал треснувшую фотокартонку. Мельком осмотрев изображенную на ней девушку, он швырнул ее обратно и подошел к окну. Совсем расшалившийся ветер встрепал его волосы ледяным порывом, гуляя, завывая где-то как будто в стене. За окном летали птицы, с легкостью размахивая крыльями.

Он брел по улице и замерз. На него дуло, и было тяжело идти. Холодный ветер гуляет по улицам, с легкостью перепрыгивая с дерева на дерево, с машины на машину, с человека на человека. Он хватает своих жертв ледяными пальцами, и смеется им в лицо, и плюет с пренебрежением, и, отбросив человека как бестолковую надоевшую забаву, мчится дальше с протяжным воем.

Подняв голову, Никита посмотрел на птиц, летящих в небе, и его заполнили зависть и восхищение. Достойные соперники ветра! Истинно свободные существа.

Тук-тук. Ветер крадется по лестнице подъезда, сливаясь с шагами поднимающегося человека.

Тук-тук. Он хочет спрятаться, замаскироваться, чтобы его не распознали, чтобы потом напугать.

Тук-тук... Или это звук со дна квартиры?

Вернувшись домой, Никита застал там Николоса, развязно отдыхающего на его столе, постукивающего кончиками когтей левой верхней лапы по гладкой поверхности. Тук-тук...

— Николос! Откуда ты опять появился?

Существо высокомерно фыркнуло, перевернувшись со спины на живот.

— Что же, я, по-твоему, опять должен был дожидаться, пока ты откроешь мне дверь?

Николос широко зевнул, предоставляя Никите возможность увидеть множество его желтых слюнявых зубов.

— Слышишь, Никита? Пошли полетаем?

— Николос! Опять ты за свое!

Зверь покрутился на столе и уселся поудобнее, уставившись на Никиту своими огромными глазами.

— Послушай, Никита. Ты ведь этого хочешь. Ты ведь так желаешь ощутить себя покорителем этой воздушной стихии, почувствовать воздушную массу, поддерживающую твое тело! Признайся, ты мечтаешь о том, чтобы ощутить полет, ты жаждешь его! Ты завидуешь каждой птице, парящей в небе, пролетающей мимо, и ты завидуешь мне, мне! Ты хочешь летать, и воздух подвластен тебе, но ты боишься этого, боишься своей же собственной силы, жалкий трус!

— Люди не летают, Николос!

Горбатое существо с маленькими рожками в ярости подпрыгнуло и зашипело:

— Откуда ты знаешь? Откуда ты знаешь, Никита, если никогда этого не пробовал? В этом ли сила вашего бравого человеческого ума, если вы уверены в том, что не способны сделать то, чего никогда не делали и даже боитесь попробовать! Жалкие людишки! А я говорю тебе, ты, никчемный человечиска, что ты можешь летать! Просто шагни в окно и ничего не бойся, просто лети!

Никита озадачился:

— А как же Игорь? Он жил в доме напротив и свалился из окна.

Зверь перестал сердиться, весело хихикнув, он хлопнул перепончатыми крыльями и уселся, улыбаясь во все свои кривые зубы.

— Ну, это было недоразумение, — беспечно заметил он, — Он просто не смог воспользоваться своей силой. А ты сможешь — давай!

— Откуда ты знаешь, Николос?

— Не забывай, что я высшее совершеннейшее существо... Я говорю тебе: ты можешь, давай!

Распахнув оконную раму, Никита посмотрел вниз, затем перевел взгляд на летающих птиц.

— Давай, давай! — прыгал Николос. Зажмурившись, Никита шагнул. И полетел вниз.

— Не бойся! — прокричал ему на ухо сопровождающий его Николос, которого, похоже, забавляла эта игра, — вспомни ее! вспомни! Ты ведь любишь!

Перед глазами Никиты мельтешило, все переливалось и кружилось, и в конце концов слилось в одну-единственную картинку: портрет с расколотой рамкой.

Никита открыл глаза и обнаружил, что, чуть качаясь, лежит на воздухе на уровне седьмого этажа. Он осторожно посмотрел в окно, где было видно, что в комнате в ужасе застыла женщина, затем перевел взгляд вниз и увидел множество пятен человеческих лиц.

— Николос, гляди, они на меня смотрят!

— Сколько можно висеть на одном месте? — проворчал Николос, — Полетели!

— А как?

— Так же, как и вылетел из окна! — маленькие рожки висящего рядом Николоса раздраженно запыхали, — Полетели отсюда!

С этими словами он взмыл ввысь, и Никите ничего не осталось, как разобраться в управлении своим телом. Остаться одному в воздухе ему было страшновато. Подул ветер, и он закачался в пространстве, как будто бы он был пустым поплавком, лежащим на воде. Он с ужасом посмотрел вниз, затем осторожно перевернулся и посмотрел вслед улетающему Николосу.

«Лететь — как плавать», — решил он и бросился догонять своего незаурядного приятеля. Развернувшись, Николос нагнал Никиту и сделал вокруг него круг.

— Выше! — скомандовал он, вытянув тонкую змеиную шею.

Никита послушно летел сзади, следуя за этим маленьким уродливым созданием, поднимаясь все выше к тусклому солнцу, поражаясь легкости своего тела, простоте движений и тому, каким ласковым и податливым бывает ветер. Где-то там, внизу, простиралась панорама серых домов, изрезанная линиями дорог, по которым лениво ползли машины.

— Извините, — проронил Никита, наткнувшись на чайку. Он послушно летел вслед за грязно-оранжевой кляксой, думая о портрете, о том, как он ее любит, как она помогла ему взлететь.

Решившись на отчаянный шаг, Никита отсоединился от Николоса и полетел в другую сторону.

«Я могу это делать один!» — подумал он, и все его сознание потонуло в блаженстве, — «Я могу справиться с этим сам, и мне не нужен этот маленький черт!»

— Я бы на твоём месте не был столь самоуверенным, — едко заметил появившийся откуда-то Николос, — Ну ладно, я тебя прощаю. Помни: люби! Думай о том, что ты любишь. У тебя нет крыльев, тебя окрыляет то, что у тебя внутри, это твоя любовь. Если ты забудешь об этом — тебе конец!

Резко дернувшись в свойственной ему манере, Николос взметнулся рыжей молнией, и исчез в небе.

Люби! Никита парил, и ему казалось, будто все внутри него парит и расширяется, разворачивается от счастья и восторга. Перед глазами Никиты всплыл расколотый портрет. Но он не хотел оставаться на одном месте, он рассеивался, растворялся, ускользал, и на смену ему приходила картина захватывающей внимание панорамы заканчивающегося города и лесных границ. Небо было ярко-голубое, птицы пролетали так близко, и все внутри летящего человека не могло не петь от удивительной легкости, не испытанной никогда ранее.

«Я не могу о ней думать. Город так мал, так приземист. И она в том числе. А я сделал то, чего не могут другие. Я — Бог! Она не достойна меня, она всего лишь одна из крупинок, простирающихся подо мной!»

Взмахнув руками, Никита взлетел еще выше, но вдруг руки его отнялись, по голове неожиданно ударила какая-то разрушительная слабость, и он резко упал вниз на асфальтированную трассу, испещренную гоняющими машинами, и разбился.

— Так-так, еще одно недоразумение, — беспечно заметил Николос, пролетающий мимо, посмотрев вниз, на дорогу, — Бывает!

Хихикнув, он на лету хлопнул своими перепончатыми крыльями и, взлетев рыжим бесформенным пятном, растворился в небе.

2007–2008

Слезы художника

Он сидел один посреди комнаты. Он сидел совсем один, он вообще все время был один, и не было у него ничего, кроме того, что его окружало. Вокруг него лежали великие ценности, настоящее богатство: везде в этой пустой комнате, в которой почти совсем не было никакой мебели, лежали произведения его искусства — картины, изображавшие портреты незнакомых ему людей — людей, которым он никогда не сможет показать их изображения, поскольку их не существовало на самом деле — он сам их придумал. Они взирали на него отовсюду — портреты, написанные им, стояли здесь везде, они стояли прямо на полу, опираясь на стены, на которых практически во всех местах были ободраны обои, и висели, прибитые к этим голым пустым стенам, и лежали на полу, мрачно взирая на своего создателя чужими, незнакомыми глазами.

Говорят, что талантливый человек талантлив во всем. И здесь же, в этой комнате, наверное, в доказательство этих слов, лежали так же пачки его рукописей — помимо художника, он являлся еще и писателем, и поэтом.

Он был талантлив. Он это твердо знал, и подтверждения этого лежали здесь вокруг него повсюду. Он был талантлив, одарен, и, вероятно, даже гениален, и не было у него в жизни больших ценностей, чем продукты его искусства, если не сказать, что они и были его единственной ценностью.

Им не было цены, для него они были особым его миром, его творением, все они были сотворены им сквозь безумные нечеловеческие старания и стоили ему многих бессонных ночей, усталых пальцев и воспаленных глаз, горевших необыкновенным возбуждением, увлеченных своим единственно важным и великим делом.

Он был талантлив, безусловно талантлив, и восторг его, горящий в его жаркой груди, восторг, когда он с новым приливом безумного влечения писал новый свой шедевр, не мог сравниться ни с чем, ни с какими благами на свете, и ни у кого из тех, кого встречал он на своем пути, не было даже и частицы того, что было в нем.

Он был безумно талантлив и безумно увлечен, и оттого он даже относился к другим людям с некоторой долей высокомерия и даже определенной степенью пренебрежения, ибо не было ни в ком больше того, что было в нем, и никто на свете не мог понять хотя бы краешком своей приземистой души даже крохотную частичку его чувств, и он предпочитал ни с кем не общаться, отдаваясь полностью своей божественной трепетной работе.

Он был талантлив, невероятно талантлив — вот только некому ему было показать результаты своих работ. И некому было зачитать свои произведения, и некому было посвятить свои гениальные стихи, и все его удивительное творчество стонало, сжимаясь от невероятнейшей пустоты одиночества. Портреты плакали на его стенах, ему некого было рисовать, на него смотрели только эти глаза — эти чужие, несуществующие глаза, которых никто и никогда не сможет увидеть.

Его творениям действительно не было цены. Их просто некому было оценить.

Он сидел на полу в своей комнате. Он был неопишимо талантлив — и так же неопишимо одинок, и не было смысла в трудах всей его деятельности, закопанной, зарытой в пучине его нелюдимости. Он сидел один, и только стопки исписанной бумаги, окружавшие своего хозяина, печально лежали на полу, да чужие одинокие глаза тоскливо и пренебрежительно взирали на него со стен его жалкой комнаты.

03 — 04.09.2008

Палочки на песке

Шестеро друзей сидели во дворе. Трое из них примостились на стоявшей здесь обшарпанной скамейке, один сидел перед ними на корточках, опустив голову и что-то задумчиво чертя огрызком тонкой палочки на песке, а оставшиеся двое стояли тут же, рядом, сбоку от него. Стояло лето, но вечер выдался серый, непогожий, солнца не было, и от этого серые сумерки казались еще темнее, и наступление их было как будто несколько раньше обычного. Ветер мелкими порывами гонял грязный песок из стороны в сторону, принося с собой почти осенний холод, заставляя молодых людей ежиться, закутываясь в свои куртки еще сильнее, и ерзать на месте, но они не уходили. Двор был совсем безлюдным, словно стоял уже поздний час, но они так и оставались на месте, прозябая и противясь этому ненастному вечеру и вместе с тем каждый своей собственной гадости — но по-прежнему не собирались расходиться и оставались каждый на своем месте, изредка тихо переговариваясь между собой. Каждый из них был печален, каждого тревожила своя беда, и они сидели на этом месте, горько жалуясь друг другу и понуро качая головами.

Тут ветер снова бросил в них холодный порыв, показавшийся словно еще зябче прежнего, и дунул он, пожалуй, сильнее, чем до этого, подняв над усталой землей облако пыли и песка, смахнув, уничтожив в один миг рисованные очертания, которые так старательно выводил палочкой на песке один из молодых людей — и откуда-то, словно из самой этой пыли, неожиданно вышел человек — высокого роста, одетый во все темное — и уверенно зашагал приблизительно в их сторону. Окинув их взглядом, он улыбнулся какой-то насмешливой, неприятной улыбкой — и остановился подле них, внимательно их рассматривая.

Человек этот был совсем неприятным и несколько странным — это был мужчина среднего возраста, одет он был в длинный кожаный плащ черного цвета, высокие кожаные сапоги, такие же перчатки и шляпу с широкими полями, трепыхающимися на ветру, как и полы его плаща. Лицо его было красным, каким-то как будто неровным, с выступающими вокруг носа синеватыми прожилками и тонкими бесцветными губами, скривившимися в неприятной усмешке. Волос на голове, по всей видимости, не было — ни волосинки не выбивалось из под его кожаной шляпы. Вероятно, он был совсем лысым, а глаза его, водянисто-голубые, были какими-то тусклыми, отталкивающими, в них тоже таилась эта самая отвратительная насмешка — недобрая, непонятная, отталкивающая своим высокомерием и странностью.

— Добрый день, молодые люди! — воскликнул он, усмехнувшись, и голос его тоже показался таким надменным, таким отвратным, что хотелось отвернуться, спрятаться, и процедить сквозь зубы, чтобы этот человек скорее ушел подальше — но вместе с неприязнью у молодых людей возникло и чувство некоторого страха, и почему-то никто из них не решался смотреть открыто в эти водянистые голубые глаза.

— Уже вечер, — тихо ответил наконец один из молодых людей, не поднимая головы — тот, что сидел перед всеми на корточках, все еще сжимая тонкими пальцами свою палочку, хотя рисунок его на песке был уже безнадежно заметен.

— Вечер? — вскрикнул незнакомец, чуть подавшись вперед и выпучив свои отвратные голубые глаза, — А и правда — вечер! Ну да ладно, какая разница. Впрочем, нет — зачем же думать, что уже вечер? Разве уже темно? Еще не совсем стемнело — а, стало быть, день. Не нужно думать, что день уже прошел, когда он не иссяк до конца, и последние искры его тлеют, растворяясь в воздухе. Решить, что время уже прошло, перечеркнуть еще один день раньше времени — значит сдаться, значит отказаться от всего необыкновенного, что он в силах еще дать, не закончившись. Где же ваш оптимизм? Где ваша вера в настоящее?

— А никакого настоящего нет, — сказал один из молодых людей, которые сидели на скамейке — тот, что был справа, дальше всех от странного пришельца, — И веры в него, соответственно, тоже.

— Ну, ну! — воскликнул незнакомец с притворным участием, — Молодой человек! Откуда такие черные мысли в столь юные годы? Разве совсем вам не во что верить? Разве не к чему стремиться?

— Не к чему, — ответил ему все тот же парень, и незнакомец нахмурился:

— Так уж и не к чему? Неужто все потеряно?

— Все, — ответил незнакомцу другой парень — на сей раз тот, что стоял к нему ближе всех, безразлично обернувшись на него через плечо.

— Так уж и все! — ахнул незнакомец, — Так это, стало быть, и счастья в жизни нет?

— Нет, — ответил ему парень и отвернулся обратно.

— Так, так... — пробормотал мужчина в плаще, прищурившись и поглаживая пальцами гладкий подбородок, — Так это у вас, получается, общество страдальцев — правильно я понимаю?

— Можно сказать и так, — ответил спокойно еще один парень, стоявший чуть поодаль — справа, не подававший до этого голоса.

— А что значит счастье? — спросил незнакомец, оглядывая всех присутствующих по очереди, — Кто-нибудь может мне ответить?

— Счастье — это значит жить, не страдая, — ответил ему снова стоявший ближе всех парень, снова обернувшись через плечо.

— А все вы страдаете? У каждого из вас, вероятно, есть какая-то беда?

— Есть, — горько ответил ему этот же парень, грустно глядя на незнакомца.

— И что же, если у каждого его беду отнять — вдруг разом взять и отнять — тогда вы будете счастливы? Уверены ли вы в этом? Знает ли каждый из вас твердо, что нужно ему для счастья?

— Конечно, уверены! — горячо воскликнул парень, сидевший на скамейке слева, близко к незнакомцу, — Конечно же, каждый из нас знает, чего он хочет!

Незнакомец улыбнулся, глядя на молодого человека, и хитро склонил голову набок:

— А если я скажу вам, что смогу исполнить каждому по одному желанию — вот представьте: раз, и все исполнится! — будете ли вы тогда счастливы? Может ли каждый из вас сказать мне точно, чего он хочет?

— Слушай, иди-ка ты, дядя, отсюда, — сказал вдруг парень, сидевший на скамейке посередине, в самом центре среди всех, — Надоели уже твои глупые сказки и лишние расспросы.

— Ох, как грубо, молодой человек! — захохотал незнакомец, запрокинув голову, — Отчего же такая грубость? Это ли благодарность за мою щедрость? Или ты не расслышал меня правильно? Ну так я повторю тебе — говорю же: назовите мне каждый из вас по одному желанию, исполнение которого необходимо вам для вашего счастья — и я охотно исполню его.

— Слушай, иди-ка ты отсюда, — процедил молодой человек, сидевший в центре, и поднялся со своего места, сверкая на незнакомца глазами и сжимая кулаки, — Или ты не понял?

— Подожди, подожди! — воскликнул парень, сидевший слева, и схватил своего соседа за рукав, — Не кипятись, Стас. Пускай дядя говорит — чего не послушать? Садись!

Но Стас не сел, а вышел из круга молодых людей и встал прямо перед незнакомцем, скрестив руки на груди.

— Грешно смеяться над чужим горем, — заметил молодой человек, стоявший слева, окидывая печальным взглядом незнакомца.

— Ну-ну, откуда же столько недоверия? — покачал головой мужчина в плаще.

— А ты что, — сказал Стас, ожесточенно буравя незнакомца глазами, — дядя — волшебник?

Незнакомец улыбнулся и снова потер пальцами свой неприятный красный подбородок, прищурившись:

— А может, я и волшебник.

— Смеешься? — процедил Стас.

— Да тихо вы все, давайте дядю послушаем! — воскликнул снова парень со скамейки, дружелюбно окидывая взглядом свои приятелей, — Пускай говорит — что ж не послушать? Чего такого? Говори, дядя!

Мужчина усмехнулся, а потом взгляд его потемнел и стал серьезным — таким, что даже мурашки поползли по коже ребят, и даже отважному Стасу стало как-то не по себе.

— Ну что ж, — сказал он неуверенно, — Говори, пожалуй...

— Слушайте меня внимательно, — начал незнакомец, и на лицо его набежала тень — серая, словно ранние сумерки этого хмурого вечера, и даже ветер стих и перестал гонять песок из стороны в сторону, и все вокруг как будто замерло и затихло, остановившись, не решаясь прервать эту странную, магическую минуту — или же просто не имея возможности пошевелиться.

— Слушайте хорошо, — повторил он, — Сейчас каждый из вас, по очереди, может назвать мне свое желание, и тут же оно исполнится, в этот же самый миг. Я ничего не требую от вас за это взамен, но только знайте, что слов своих отменять нельзя, и то, что сорвется сейчас с ваших губ, застынет в воздухе и обернется правдой, так что думайте хорошо, молодые люди, думайте, прежде чем сказать свое желание, дабы не натворить беды. Помните: любое желание, даже самое, на первый взгляд, благородное, должно быть обдуманным. Однако вы сами сказали мне, что прекрасно знаете, кому чего недостает для счастья, поэтому полагаю, что никаких трудностей сказать наболевшее вслух перед вами не возникнет. Я прав?

Все молчали.

Мужчина усмехнулся, прищурившись так гадко, что всем захотелось убежать прочь — однако никто не побежал, и все так и остались каждый на своем месте.

— Прекрасно, — сказал незнакомец, — Вот и начнем. Кто будет первым? Скажи, пожалуйста, сначала ты! — незнакомец указал рукой на молодого человека, сидевшего на скамейке слева, — Встань.

Тот осторожно поднялся. Это был парень лет двадцати с небольшим — достаточно высокий, крепкий, с каштановыми, чуть рыжеватыми волосами, спадающими к плечам, и длинной челкой, нависавшей ему на глаза. Глаза его были светлыми, но взгляд был пустым, несерьезным, хоть и дружелюбным.

— Как зовут тебя? — спросил незнакомец.

— Меня зовут Борис.

— Чего же ты хочешь, Борис? Чего не хватает тебе для счастья?

— Ну, чего, чего... — пробормотал тот, потупив глаза, — Денег, чего же еще!

— Денег? Ты хочешь много денег — это сделает тебя счастливым? Это и есть твое желание?

— Ну... Ну да! — ответил Борис, подняв глаза и несколько осмелев, — Конечно, денег, а иначе как же? Без денег ведь никуда, а больше ничего и не надо.

Незнакомец внимательно посмотрел ему в глаза:

— Хорошо, Борис. Будут тебе деньги. Сегодня же они у тебя появятся. Садись.

Борис сел обратно, а незнакомец подошел поближе к парню, сидевшему на скамейке справа.

— Ты! — воскликнул он, тыкнув в него пальцем, обтянутым черной кожаной перчаткой, — Чего хочешь ты?

Молодой человек поднялся и посмотрел незнакомцу в глаза. Ему было лет восемнадцать, он был совсем молод, молод и красив — темные волосы легкими прядями спадали ему на лоб,

голубые глаза его были ясными — но в нем не было характерного для молодых легкомыслия, взгляд его был тверд и серьезен.

— Меня зовут Алексей, — ответил он, — Я женат. Но моя жена ушла от меня к другому и хочет подавать на развод. Я всем сердцем хочу, чтобы она вернулась ко мне обратно, я люблю ее и все, чего я хочу — это быть рядом с ней. А больше мне ничего не надо.

— Хорошо, Алексей, — ответил незнакомец, — Вернется к тебе твоя жена. Поверь, она уже собирает вещи. Садись.

Замерев на месте и подумав с несколько секунд, незнакомец резко обернулся и подскочил к Стасу, указав на него пальцем:

— Ты!

Стасу было лет двадцать, он был крепким парнем — но каким-то нескладным, некрасивым, черты лица его были грубые, русые волосы топорщились в стороны нечесаными клоками, холодные голубые глаза смотрели жестко, безучастно.

— Чего хочешь ты?

— Меня зовут Станислав, и я хочу проучить своего врага, — ответил молодой человек все так же бесстрастно, будто говорил о повседневных вещах, — У меня есть враг, это мой сосед, который смеет все время издеваться надо мной. Он богат и успешен, и он смеется надо мной за то, что я не такой, и называет неудачником. Я хочу, чтобы теперь все было иначе. Хочу, чтобы пусто ему было, чтобы развалился его бизнес, сгорели все его деньги, ушла его жена, не мог он восстановиться и добиться прежней жизни! Хочу, чтобы все теперь у него было нескладно, чтобы не мог он больше издеваться надо мной — но чтобы я мог теперь смеяться над ним.

— Тебя я понял, Станислав, — так же холодно и отстраненно ответил незнакомец, — Ты желаешь зла другому человеку. Что ж, будь по-твоему. Уже сегодня у твоего соседа начнутся всевозможные неприятности. Они уже движутся к нему. Они уже в пути! А теперь сядь.

Станислав ушел на скамейку, а незнакомец указал рукой на следующего молодого человека — того, что стоял ближе всех к нему и печально оглядывался на него через плечо.

— Твой черед.

Молодой человек посмотрел на него печально. Он казался самым старшим среди своих приятелей — ему было, вероятно, около тридцати лет. У него была самая обычная внешность — высокого роста, он был достаточно худ, голова его была понуро опущена, он чуть сутулился, русые волосы его были тусклыми, а карие глаза — совсем печальными, в них не было ни искры, ни жажды жизни.

— Меня зовут Александр, — тихо и спокойно ответил он, глядя на незнакомца.

— Что же случилось с тобой, Александр? Отчего ты так грустен?

— Два года назад мой маленький сын ушел из дома и не вернулся, — ответил Александр, — Уже два года прошло, но мы с женой все верим, что он жив. Я хочу, чтобы он вернулся домой.

— Это и есть твое желание, Александр?

— Да, конечно. Это единственное в жизни, чего я хочу.

— Жди, Александр. Сын твой скоро будет дома.

Незнакомец подошел к другому парню — тому, что тихо стоял в стороне:

— А ты? Чего хочешь ты?

Тот грустно повернул голову в сторону незнакомца и тихо ответил, чуть шевеля губами:

— Меня зовут Николай.

— Какое же твое желание, Николай? Что нужно тебе для счастья?

Молодой человек печально окинул взглядом незнакомца.

Он был невысокого роста, русые волосы его чуть вились, а глаза его голубого цвета были большими, печальными. На вид ему было лет двадцать пять, и он ничем не выделялся среди других молодых людей.

— У меня тяжело болен брат, — произнес наконец Николай, — Его легкие подводят его, ему тяжело дышать. Врачи говорят, что надежды остается мало. Я хочу, чтобы мой брат победил свою болезнь. Я хочу, чтобы мой брат был здоров.

— Хорошо, Николай, — ответил незнакомец, — Твой брат оправится от своей болезни. Он уже борется с нею, и уже побеждает ее.

На несколько секунд воцарилась тишина. Затем незнакомец положил свою руку в черной перчатке на плечо молодому человеку, который по-прежнему сидел на корточках перед скамейкой, чертя свои рисунки палочкой на песке.

— А ты? — спросил его незнакомец, — Как твое имя?

— Меня зовут Арсений, — ответил молодой человек, не поднимая головы.

— И какое же будет у тебя желание, Арсений?

— Никакого, — все так же равнодушно ответил парень.

— Вот как? — незнакомец удивленно приподнял тусклые брови, — Почему же так? Неужто ты до сих пор не веришь в мою силу? Ты не веришь мне? Твои друзья мне поверили.

— Это их право, — ответил Арсений, по-прежнему водя рукой по песку, — Почему же не верю? Я верю тебе. Просто мне ничего не нужно.

— Неужели? Так у тебя, выходит, все, что тебе нужно, есть? Ты по-настоящему счастлив?

— Нет. У меня пока многого нету. И я не могу сказать, что я счастлив. Но мне не нужно никакого желания, вот и все.

— Почему же? Объясни.

Арсений поднял глаза на мужчину в черном плаще и поднялся сам, стряхнув его руку со своего плеча и встав напротив него. Он был худ, очень худ, но светлые волосы его блестели здоровым блеском, а большие серые глаза смотрели спокойно и уверенно.

— Сколько тебе лет, Арсений?

— Мне девятнадцать.

— И тебе совсем ничего не нужно в девятнадцать лет?

— Нет, ну почему же — мне многое нужно, — ответил Арсений, — Конечно, я хочу закончить институт, построить хорошую семью, найти достойную работу, чтобы суметь свою семью прокормить, хочу, чтобы рядом со мной были мои родные и друзья. Я хочу жить хорошо. У меня многого еще в жизни нет. Но мне не нужно ничего даром. Я хочу добиться всего в жизни сам. Если все само упадет мне в руки, и мне не будет нужды приложить к этому никаких усилий, то я не стану себя уважать, и счастье мое не будет иметь вкуса, оно не будет истинным. А потому мне ничего от тебя не нужно. Я не буду загадывать никаких желаний.

— Дурак! — воскликнул Борис, презрительно глядя на своего приятеля.

— Да он просто хочет покрасоваться перед нами всеми, — процедил Стас, смотря на Арсения со злобой, — Хочет показать, какой он сильный, что сможет сам со всем справиться. Не то, что мы! Согласиться на желание — это ниже его достоинства. Он просто хочет унижить нас своими словами!

— Это неправда, Станислав, — ответил Арсений спокойно и вежливо, — Не нужно так говорить. Мои слова искренни.

— Молчать! — рявкнул незнакомец так громко и яростно, что все молодые люди вздрогнули от неожиданности и страха и замерли в нерешительности, глядя на него.

— Не нужно сердчать на своего друга понапрасну. Он умен. Это твой выбор, Арсений. Твое право. А теперь — всем разойтись! Разойтись всем по своим домам сию же минуту! Когда-нибудь мы, вероятно, еще увидимся.

Взмахнув плащом, раздувающимся по ветру, который поднялся снова, незнакомец запахнул свое одеяние потуже на груди и зашагал прочь. Как будто внезапно на город опустились серые сумерки, появление которых словно несколько затянулось, пыль взметнулась над землей, и молодые люди тут же обнаружили с изумлением, что незнакомца нигде нет, словно и не было. Не проронив ни слова, все они разошлись в разные стороны. Каждый отправился к себе домой.

И снова на дворе стояло холодное лето. И снова ветер швырял по дорогам пыль и песок. И точно так же, как когда-то давно, шестеро друзей собрались во дворе поговорить о своей жизни. И держались они, как бывало, печально и несколько отчужденно, и так же один из них, Арсений, задумчиво вырисовывал палочки на песке — все было так, словно и не было этих двух лет, словно у всех все в жизни осталось по-прежнему, и ничего не изменилось. И поэтому даже никто почти не удивился, когда неожиданно прямо перед ними возник человек в черном кожаном плаще, появившись словно из облака гонимого холодным ветром бесплотного песка.

— Так-так, — усмехнулся он как будто еще противнее прежнего, — Старые знакомые, как я погляжу. Что ж, тогда — добрый день!

— Сейчас вечер, папаша, — злобно ответил Стас, стискивая зубы.

— Неужели? — рассмеялся пришедший, — Вижу, ничего не изменилось. Жаль, очень жаль. Я думал, вы обрели наконец каждый свое счастье, которое вы все так страстно хотели получить.

— Издеваешься! — крикнул Стас, и глаза его загорелись яростным блеском, — Как смеешь ты издеваться над нами?

— Помилуй, Станислав! — незнакомец поднял брови, отчего лицо его вытянулось и стало еще отвратительнее, — Что же такое случилось у вас? Чем я вам так не угодил? Разве я не исполнил все так, как вы хотели?

— Ты обманул нас! — крикнул Борис, — Ты просто шарлатан! И должен ответить за это!

— Ты просто поиздевался над нами, воспользовавшись нашим горем и сыграв на наших чувствах, — прошипел Николай, — Это подло.

— Минуточку, минуточку! — воскликнул человек в черном плаще, — Так не пойдет! Давайте разберемся во всем. Чем же я так провинился перед вами? Разве я не исполнил все ваши желания, как вы просили? Ответьте!

— Да, но стало еще хуже! — крикнул Алексей, сверкнув глазами.

— Хуже, я не ослышался? — усмехнулся незнакомец, — Да что же вы такое говорите, молодые люди? Надо же, опять недовольны. Нет, что вы, надо разобраться. Давайте-ка, скажите мне все, по очереди, как сложилась ваша жизнь за эти два года, что мы не виделись с вами! Вот ты, — он подошел к Борису, — Как сложилась твоя жизнь, расскажи? Ведь ты получил огромную кучу денег, как ты и хотел?

— Да, получил, — хмуро ответил Борис, — В тот же вечер, после того нашего разговора, я пришел домой и увидел, что около двери моей квартиры стоит блестящий кейс и большой суммой денег. Он стоял так, словно был специально для меня предназначен. Но он не принес мне счастья.

— Все правильно, этот кейс и был специально для тебя предназначен! Как ты хотел! — воскликнул незнакомец, — Вот только как так получилось, что ты остался несчастен? С такой суммой денег? Не ты ли говорил два года назад, что тебе более в жизни ничего не нужно? Что будут деньги у тебя — и будет все! А как же вышло на самом деле?

— А то ты не знаешь! — рявкнул Борис и кинулся к незнакомцу, замахиваясь на него кулаком, но тут же человек в плаще вытянул вперед свою руку, одетую в черную перчатку, и в тот же момент Борис рухнул на землю. Потерев ушибленное плечо, он встал, с яростью глядя на незнакомца и тяжело дыша.

Человек в плаще поморщился:

— Ну-ну, не так грубо. И откуда в людях столько грубости? Что случилось-то, расскажи?

— Борис разбогател, но тут же низко пал из-за этого, — печально вступил в разговор Александр, — Он зазнался и избаловал сам себя. С родными отношения испортились, его девушка ушла от него, так и не став его женой, а сам Борис подсел на наркотики и в конце концов спустил большую часть своих средств в казино.

— Вот как? — человек в плаще с притворным сочувствием причмокнул губами, покачав головой, одетой в черную шляпу, — И что же это, совсем ничего не осталось?

— Осталось! — крикнул Борис в гневе и отчаянии, — Но мне все это больше не нужно! Забирай все обратно, если хочешь, только верни мне все, как было!

— К сожалению, молодой человек, вернуть я вам ничего не могу, — развел руками незнакомец, — Я же предупреждал вас прежде, чтобы все ваши желания были обдуманними, и, произнеся что-то, уже нельзя будет взять свои слова обратно. Кроме того, Борис, боюсь, что ваши новые проблемы за одно только желание не восстановишь. Что ж поделать, остается лишь признать, что вы сами виноваты в своих проблемах. Разве не так? — незнакомец перевел взгляд на другого молодого человека, — Ну а вы, Станислав? — обратился он к Стасу, который хмуро взирал на незнакомца исподлобья, — А с вами что стряслось? Вы, я вижу, тоже на меня сердитесь?

— Конечно! — выкрикнул Стас.

— Ну и в чем же дело, молодой человек? Вы, я помню, хотели, чтобы у вашего недоброжелателя появились неприятности?

— Да, я хотел! — крикнул Стас, — У Дмитрия правда вся жизнь пошла кувырком после нашего разговора. Он правда потерял все, что имел. Но у меня все стало еще хуже! И стало даже хуже, чем у него! А у него снова стала налаживаться жизнь, а я живу еще хуже прежнего!

— Вот как? — осведомился незнакомец, — А не ты ли сам виноват в своих бедах, Станислав? И не своими ли силами Дмитрий начал восстанавливать свои утраченные радости жизни, скажи? Или разве я не выполнил твоей просьбы? Я полагаю, тебе не в чем меня упрекнуть. Ну а ты, Александр? Как сложилась твоя жизнь? Вернулся ли домой твой маленький сын?

— Да, вернулся, — грустно ответил Александр, — В тот же вечер, что состоялся наш разговор, его привела к нам милиция, которая наконец отыскала его в каком-то подвале. Мы с женой были несказанно рады его возвращению. Но счастливо мы не живем. Пашу как подменили. Он все время пытается сбежать из дома, а так же стало известно, что там, на улицах, где он провел два года, он начал злоупотреблять алкоголем и даже наркотиками. А ведь ему всего десять лет! Он состоит на учете в детской комнате милиции!

— Да, печальная история, печальная, что и говорить, — покачал головой незнакомец, — Но не думаешь ли ты, Александр, что это я виноват в том, что твой сын пошел по кривой дороге? Ты просил, чтобы он вернулся — я вернул тебе его. Ты не просил золотого характера своему ребенку! А вместо того, чтобы роптать о том, какой у тебя сын, ты бы лучше задумался бы о том, почему он такой. Ты горюешь, что он убегает, но еще ни разу всерьез не догадался подумать, какова причина таких его поступков! А ты с женой бы поговорил как следует. Которая, кстати, твоему сыну не мать. Или ты забыл об этом? А твоя жена помнит. Ну а ты, — он обернулся к Николаю, — Как сложилась твоя жизнь? Поправился ли твой брат? Вылечил ли он свои легкие? Ведь ты, кажется, этого хотел?

— Вылечил, — хмуро подтвердил Николай, — В тот же вечер он пошел на поправку, и не прошло и двух месяцев, как он поправился окончательно. И тут же он начал пить! И в результате он снова болен. Только теперь уже другое. Алкоголизм, желудок и печень.

— Так-так, — усмехнулся незнакомец, — И опять, по-вашему, виноват я? Так, значит? Но разве и здесь я не выполнил своего обещания? Разве я виноват в том, что человек погубил себя сам? Ну а ты? — он обратился к Алексею, — Теперь твоя очередь винить меня в своих бедах. Пришла пора твоего слова.

— Жена вернулась ко мне, — произнес Алексей угрюмо, — Вот только счастья у нас с ней нет. Ни тепла, ни душевного понимания — одни только раздоры. Мы давно уже не любим друг друга, да развестись уже сил не хватает. Как, впрочем, и ни на что другое. Дом для меня — одна тягость.

— Понятно, — усмехнулся человек в черном плаще, — И ты тоже винишь в этом меня? Свое обещание я выполнил. Я вернул тебе твою жену. Неужто ли я виноват, что ты не в состоянии сам наладить с нею отношения? А так же в том, что просто она, вероятно, тебе не пара, не судьба? Или ты так не считаешь? А? И ты, — он посмотрел на молодого человека, бесстрастно чертившего на песке свои рисунки, понятные, по всей видимости, только лишь одному ему, — А что скажешь мне ты? Твоя жизнь тоже пошла прахом, Арсений?

— Нет, — спокойно ответил Арсений, не поднимая глаз от песка подле своих ног, — У меня все хорошо.

— В самом деле? Давай-ка, поделись своей историей, расскажи о себе. Ты счастлив?

— Да, я счастлив, — ответил Арсений, поднимая глаза на незнакомца и устремив свой взгляд прямо в водянистые отвратные глаза его, — Я закончил институт, получил хорошую работу и женился. Скоро у нас с женой будет ребенок.

— Прекрасно! Что ж, я рад, что у кого-то все хорошо. Только почему же ты не весел, Арсений? Или ты обманываешь меня, называя себя счастливым?

— Нет здесь никакого обмана, — ответил Арсений, снова опуская глаза на песок, — Просто я привык быть серьезным. Вот и все. К тому же, я не могу радоваться за свою жизнь, когда рядом грустят мои друзья.

— Радуйся, Арсений, — ответил незнакомец, — ты это заслужил.

— Это нечестно! — воскликнул Борис с возмущением, — У одного лишь Арсения жизнь сложилась удачно. Ты помог на самом деле одному лишь ему, а нашу жизнь разрушил!

— Ты ошибаешься, мой юный друг, — невозмутимо откликнулся незнакомец, — Ни капли я ему не помогал. Вы же сами помните, что Арсений не пожелал принять мою помощь. И он не загадал своего желания, сказав, что хочет всего в своей жизни добиться сам, не ища легких путей, кажущихся ему пустыми, не имеющими ни цены, ни прелести.

— Но как так получилось, что все наши исполненные желания обернулись другой стороной, сделав нашу жизнь еще хуже, чем она была изначально? — спросил Алексей.

— Ты знал все изначально! — крикнул Станислав, — Ты знал, что все наши желания обернутся несчастьями!

— Ваши желания сами по себе не влекли за собой никакого вреда, — ответил незнакомец, — Вы просто сами не сумели распорядиться своей счастливой долей. Ценится лишь то, что заработано, заслужено своим лишь трудом. Легкая добыча, свалившаяся на голову сама по себе, без каких-либо на то трудов, сгорает прощсе. Не так ли, Борис? И не зря я говорил вам тщательно обдумать ваши желания. Не все, что нам кажется нужным на первый взгляд, является нужным на самом деле. Верно, Алексей? Вы сами не сумели ставить перед собой нужную, необходимую цель. Вы сами не сумели грамотно к ней идти. Вы пытаетесь удержать в руках такой сосуд, на который у вас не хватает силы. Что же удивительного в том, что он выскальзывается из рук? Да, Александр. Так, Станислав. И вы вините меня за то, что я дал вам в руки этот сосуд по вашей же просьбе? Но я не виноват в том, что вам не хватает силы, которую вы даже не пытаетесь приобрести. И я не виноват в том, что вы не в состоянии сами оценить свои настоящие силы. Разве не так?

— А как же я? — спросил Николай, — Я ведь просил не для себя. Я просил для своего брата. Я хотел, чтобы он жил!

— Ты хотел! — воскликнул незнакомец, обернувшись к Николаю так резко, что полы его плаща широко взметнулись, — Вот именно — ты хотел, чтобы он жил! Ты! Ты не хочешь терять своего брата, так что желание это — твое! А ты спросил его, чего он хочет на самом

деле? Нет моей вины, что умирает твой брат, Николай. Твой брат убивает себя сам! А вы... Вы! Задумайтесь сами — много ли вы думаете на самом деле о других? Порой нам кажется, что мы думаем о ком-то другом, а на самом деле мысли наши все равно о себе самих. Порой, прикрываясь помощью ближнему, мы жалеем втихаря самих себя. Вы говорите, что знаете, что нужно вам для счастья, но на самом деле суждения ваши о собственном счастье поверхностны, вы не знаете сами ни того, чего вы хотите на самом деле, ни то, как это получить, ни то, как это удержать, раз уж оно само упало вам в руки! И вы обвиняете в этом Арсения, вашего друга? Вы завидуете ему за то, что он успешен, за то, что он знает ответы на эти вопросы, на которые ответов не знаете вы! Арсений умен, он знает, чего он хочет, и он добился всего этого сам. Сам! Не это ли доказательство его силы и ума? Вам есть чему поучиться у вашего друга. А не обвинять его в собственной беспомощности! Вы плачете о том, что нет в вашей жизни счастья, но не понимаете того, что причина вашего несчастья в вас самих! Так стоит ли сидеть в кругу и жаловаться друг другу, словно клуб неудачников вместо того, чтобы идти и строить своими руками свое счастье? Своими руками и своей головой!

Взмахнув плащом, незнакомец быстро зашагал прочь. Взметнулись клубы пыли, и он исчез в них, словно растворившись в пустоте.

Опустив глаза, молодые люди разошлись по домам, не обмолвившись друг с другом ни единым словом.

На город опустились летние темные сумерки.

На том месте, где недавно сидели друзья, остались лишь незамысловатые узоры, одни лишь палочки на песке.

09.02.2009

Нет преград

В лесу всегда очень тихо. Только где-то вверху чирикают птицы, да шелест листвы выводит из задумчивости редкого путника, отправившегося собирать грибы, а может, ягоды в теплый солнечный день. Он ходит по лесным тропинкам, мягко ступая на зеленую нетронутую траву, заглядывая под раскинувшиеся лопухи лесных листьев и нависшие ветви деревьев да небольших кустов, прислушиваясь к шелесту листьев, пению птиц и прочих лесных звуков, вдыхает свежий лесной аромат и осторожно пробирается по залитым солнцем пролескам. В лесу тихо. Лес что-то тихо и ласково нашептывает ему, и он с улыбкой слушает лес. Совсем тихо. Он думает, что он здесь один. Не считая пугливых лесных птиц, пушистых белок, с интересом наблюдающих за ним с высоты верхушек густых деревьев, лукаво подмигивая блестящими хитрыми глазками. Да еще лягушек, порой выглядывающих из-за болотных кочек, и исчезающих в траве вновь.

Он думает, что он здесь один. Откуда ему знать, что здесь, в лесу, где-то в маленьких норках под землей может жить маленький народец, такой маленький, что, если какой-нибудь его представитель не покажется целиком из-за пучка травы, а лишь осторожно высунется из-за куста, то его можно и не заметить большому человеку, принимающему маленькую зеленую шляпку любопытного человечка за крохотный опавший листок.

Нет, откуда ему это знать. Человек такого никогда не заметит, ему и в голову не придет, что такое вправду может быть на свете. Откуда ему понять, что маленький народец гномов — это не вымысел старых сказок, а реально существующее маленькое чудо, что гномы — это такие же люди, как и мы все, просто они маленькие и живут в лесу. Каждый может жить, где ему нравится, вот они и живут здесь. Разве можно представить, чтобы маленький народ жил в большом человеческом городе, устраивал дома в городских подвалах и канализациях? Нет, это невозможно, это место не для них. Их место в лесу.

Но откуда уж об этом знать человеку. Он может бродить себе по лесной поляне, собирая грибы, бережно рассматривая все кустарнички и травинки, и быть в полной уверенности, что он здесь совершенно один. А на самом деле вокруг него стоят эти самые гномы, наблюдая за ним из-за кочек и пучков травы. Им же тоже интересно, как живут эти люди, и как же можно жить, будучи таким огромным, как мы все?

Человек слушает тихие звуки леса. Откуда ему знать, что во всем — и в этом шелесте зеленых листьев, и в этих легких дуновениях ветерка — во всем слышится множество тоненьких голосов, которые разговаривают с ним и друг с другом, или поют свои песни, собираясь в свой большой дружный круг.

И уж совершенно невозможно никакому человеку представить, что у этого маленького народа есть самый настоящий король. А весь этот лес — это его королевство, его владения, в которое он так милостиво разрешает заходить. Казалось бы, разве мог бы он выгнать из леса человека, даже если бы этого захотел? Ведь сам он такой же маленький, как и весь его крохотный народ. Но нет, это не так. Ведь гномы — большие мастера по всяческому волшебству, и особенно король. Если человек попробует как-нибудь осквернить его лес, король может рассвирепеть и так запутать непутевого гостя, что едва ли ему получится отыскать дорогу обратно. Впрочем, лесной народ милостив, и, как запутать, так он может и вывести несчастного заблудившегося путника, направив его в нужное направление своим мягким пением. Конечно, человек и не подумает, что ему помогли гномы, ему покажется лишь, что ветер шумит чуть громче, гуляя по зеленым просторам крон лесных деревьев. Куда уж ему догадаться, что на самом деле он слышит хор тонких голосов маленьких человечков, которые поют ему свою славную песню, чтобы он поскорее мог выбраться из леса.

Но беда, если человек заблудится в лесу под вечер. Вечером в лесу кажется особенно тихо. Как будто все легкие ветерки стихают с наступлением темноты, а на самом деле это просто маленький лесной народец отправляется спать с закатом солнца. Ночью слишком опасно разгуливать по лесу таким маленьким существам, как гномы. Стоит солнцу начать клониться к закату, как лесной король тут же отправляет всех спать. Он садится на холмик на лесной полянке и начинает играть на своей маленькой флейте, услышав звук которой все лесные человечки стройными тоненькими рядками отправляются поближе к своим тоненьким ходам под землю, чтобы пойти там каждому в свою уютную каморку и лечь спать до рассвета.

Особенно тихо в лесу зимой. Человеку, конечно, может показаться, что это потому, что в лесу не поют птицы, и многие лесные зверьки отправляются в спячку, но на самом деле дело, конечно, не только в этом. Просто в зимнее время промежуток времени между рассветом и закатом значительно меньше, и потому маленькие гномы в основном сидят в своих домах, греясь у крошечных каминов и черпая ложками горячие похлебки, наваренные из трав, орехов и полезных кореньев, засушенных на зиму. Иногда, конечно, они все же выходят погулять, но возвращаются быстро — слишком холодно на улице, да и проникнуть домой значительно сложнее, ведь многие маленькие ходы засыпает снегом. Но даже если они вышли на прогулку, то увидеть их все равно не просто, ведь на зиму они меняют свои яркие зеленые и желтые наряды на белые одеяния.

Нет, человеку ни за что не догадаться, что в лесу живет маленький народец гномов. Зато гномы прекрасно знают о существовании людей. И относятся к этому каждый по-своему, но в целом стараются избегать, ведь люди, сами того не зная, представляют для них опасность — как и все другое для таких маленьких существ, как они.

В один из солнечных летних дней молодой человек неспешно бродил по поляне, собирая ягоды черники и брусники в большую корзину. Он был совсем один, но ему было совсем не скучно, он любил бывать один, и сейчас наслаждался этим одиночеством и дивными запахами природы, витающими в лесу. Он просто не знал, что совсем рядом, из-за пучка зеленой травы за ним внимательно наблюдают два маленьких человечка.

Это были две малюсенькие девочки. Обе они были одеты в одинаковые желто-зеленые платья, только одна была повыше ростом. По всей видимости, она была старшая из них двоих. У нее были пушистые рыжие волосы, и издали ее можно было принять за диковинный лесной цветок, волосы же другой были темные, с едва ли заметной рыжинкой, и ее было сложнее распознать среди листьев и трав.

— Фиона, прошу тебя, уйдем отсюда! — обеспокоенно прошептала младшая, прячась за спиной рыжеволосой девочки и подергивая ее за рукав, — Фиона, ну пожалуйста, давай уйдем!

— Флора, ну какая же ты трусишка, — чуть обернувшись, Фиона улыбнулась младшей сестре, — Ты посмотри, это же так интересно — к нам пришел человек!

Флора хмурилась:

— Фиона, ну что же тут интересного, он ведь такой большой, он может наступить на нас, не заметив. Да и ягоды все соберет — ты только посмотри, какая у него корзина, в ней помещается столько, что запросто хватит прокормить всю нашу семью!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.